

Галкова Ольга Валентиновна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Волгоградского государственного
социально-педагогического университета
тел.: (8442)-24-13-36

**РОЛЬ ДИСКУССИИ ОБ ОХРАНЕ
ПАМЯТНИКОВ В ЛЕНИНГРАДЕ
В 1960-Х ГГ. В ВОВЛЕЧЕНИИ
РЯДОВЫХ ЛЕНИНГРАДЦЕВ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОХРАНЕНИЮ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Аннотация:

В статье показаны различные позиции в дискуссии 1960-х гг. в среде ленинградской интеллигенции по поводу сохранения ансамблей памятников истории и культуры в Ленинграде, раскрыта роль этой дискуссии в вовлечении в памятникоохранительную деятельность рядовых ленинградцев.

Ключевые слова:

архитектурный ансамбль, дискуссия, историческая память, исторический центр, культурное наследие, консервация, реставрация, «описанная» история, памятник архитектуры.

Galkova Olga Valentinovna

Candidate of History,
associate professor of the chair of Russian history,
Volgograd State Social
and Pedagogical University
tel.: (8442)-24-13-36

**ROLE OF DISCUSSION
ABOUT PROTECTION OF MONUMENTS
IN LENINGRAD IN THE 1960-ES
IN INVOLVING OF ORDINARY CITIZENS
IN ACTIVITY ON PRESERVING
CULTURAL HERITAGE**

The summary:

The article describes the various positions in the discussions of the 1960-es within the intellectual circles of Leningrad around saving ensemble of monuments of history and culture in Leningrad, the role of this discussion in involving the ordinary citizens of Leningrad in activity on preserving monuments is revealed.

Keywords:

architectural complex, discussion, historical memory, historical centre, cultural heritage, conservation, restoration, "described" history, monument of architecture.

Своеобразной новой чертой памятникоохранительного движения 60-х гг. XX в. были первые широкие дискуссии в обществе о том, как следует охранять памятники. Поскольку главным предметом охраны в это время оставались памятники архитектуры, то именно их сохранение и защита стали предметом наиболее активного обсуждения. Этому способствовал тот факт, что в 1960-х и 1970-х гг. тема дореволюционного прошлого стала центральной в советской культуре. Интерес к «памяти» в это время основывался не столько на потребности в национальном самоутверждении, сколько на попытках говорить о вещах, табуированных официальной цензурой. Так тема «охраны памятников» сплелась с темой «альтернативной истории» постсталинской эпохи вообще. В то же время это указывало на тесную связь дискуссий о правильной охране памятников с дискуссиями об исторической аутентичности вообще. По мнению профессора русистики Оксфордского университета, действительного члена Британской академии Катрионы Келли, именно в этом контексте сформировался и весь спектр позиций по проблемам сохранения культурного наследия: сохранять ли его с педантичным уважением к его материальным останкам, или – с ориентацией на «аутентичность» в смысле духовных ценностей, и нужно ли его вообще сохранять [1].

Большую роль для развертывания дискуссии имела опубликованная в «Литературной газете» 10 июня 1965 г. статья Д.С. Лихачева «Четвертое измерение», которая, по сути, являлась ответом на статью главного архитектора Октябрьского района Москвы Я. Белопольского «Город близкого завтра», в которой последний представлял планы развития столицы (уничтожение «улиц-коридоров», строительство современных зданий «интернационального характера» и так далее).

Мечте о современном, интернациональном городе Лихачев противопоставил то, что он обозначил как «настоятельную необходимость сохранять исторический, национальный облик наших городов». Среди городов, находящихся под угрозой, Лихачев назвал Великий Новгород, где «даже пятиэтажные новые жилые дома, построенные ранее, подавили своими неоправданно большими объемами Кремль», а также Псков, Путивль и Ленинград. Отвергая возможные обвинения в консерватизме, Лихачев подчеркивал, что он не являлся противником реконструкции вообще. Но он выступал за такую реконструкцию, которая бережно сохранит исторический,

своеобразный облик города. В связи с этим он предлагал не перестраивать старый центр, а строить «города-спутники», имеющие хорошие транспортные связи со старыми частями города.

Показательным для позиции Д.С. Лихачева было отождествление исторической и нравственной искренности: «Разумеется, ни в коем случае нельзя строить подделок под старину, создавать архитектурные фальшивки. Это претит историческим и эстетическим принципам» [2].

Решительное выступление Лихачева против московского архитектора предопределило многие стереотипы дальнейшей борьбы за охрану памятников в Ленинграде. Дискуссия отразила особое отношение к культурному наследию Ленинграда как особого города, сравнительно удачно пережившего перипетии советского времени, и до настоящего времени оставшегося таким, каким сложился постепенно, исторически, с его Невским проспектом и Фонтанкой, Мойкой и Летним садом, мостами и набережными Невы, стрелкой Адмиралтейства и Дворцовой площадью и многим другим. Многие ленинградцы, выросшие в этом городе, с его нетипичным, «несоветским» обликом, были склонны связывать самобытность «Питера» с его историческим прошлым. Хотя не следует упускать из вида и того, что в это время, несомненно, сохранялись и образы города-«колыбели революции», а также города, «с беспримерным мужеством и стойкостью пережившего блокаду в годы Великой Отечественной войны».

Для многих ленинградцев толчком к участию в дискуссии и памятникоохранительном движении стала трагическая судьба тех архитектурных памятников в Ленинграде, которые безжалостно разрушались и сносились в это время, например, Покровская церковь на Сенной площади, Греческая церковь, музей Пирогова и портик Руска. Такие действия расценивались ленинградцами как «акты вандализма».

Прежде всего это вылилось в дискуссию о судьбе Невского проспекта. Она нашла отражение на страницах «Ленинградской правды». Еще в статье «Четвертое измерение» Д.С. Лихачев рассказал о выставке в «Доме архитекторов», посвященной реконструкции Невского проспекта. С осуждением относясь к проектам ленинградских архитекторов, Лихачев с гневом отвергал попытки превратить Невский проспект в обыкновенную американскую или европейскую улицу: «Без особой нужды, ориентируясь на безликий и безнациональный стиль Запада, архитекторы предлагают в своих проектах переустроить самые ответственные с точки зрения горожанина нижние этажи Невского, закрыв их «современными» витринами и создав не свойственные Невскому лоджии. Это разрушит неповторимый облик единственной по красоте улицы, безвкусно смешает новое со старым и сделает Невский похожим на сотни и тысячи других улиц Европы и Америки» [3]. Определение Невского как «самой красивой улицы города» было скорее вторичным. Намного более важным считалось историческое значение улицы как «огромного музея», «самой старой улицы города» и «огромного памятника культуры». Третью точку зрения в журнале «Строительство и архитектура» высказал архитектор А. Иконников. Он обратил внимание на то, что на Невском есть застройка конца XIX и начала XX вв., которая «не обладает высокими художественными ценностями». Тем не менее «она образует среду, от которой неотделимо восприятие Адмиралтейства и Казанского собора, Строганова дворца и Пушкинского театра» [4, с. 11].

Для Иконникова, как и для Лихачева, главным в Ленинграде были не отдельные памятники, а накопления разных зданий. Такой взгляд стал потом каноническим у «охранителей»: самое важное в Ленинграде – это ансамбли. По мнению К. Келли, традиции питерского «ретроспективизма» всегда были связаны с культом «чистого искусства» и преклонением перед образом «чистой» и «строгой» архитектуры города, поэтому они имели некий «крамольный» потенциал хотя бы в своей аполитичности [5]. Надо сказать, что в случае рядовой застройки такое отношение не всегда имело тот же эффект: даже если якобы требовалось сохранить единство «ансамбля», считалось допустимым, например, надстроить здание XVIII в. одним или двумя этажами.

Для официальной позиции, нашедшей отражение в генеральном плане развития Ленинграда 1966 г., «завтрашний день города-героя» был неотделим от «грандиозной программы дальнейшего развития и реконструкции» второй столицы, что отодвигало проблему исторического центра на второй план [6, с. 31]. Понятия «исторический центр» и «город-музей», возникшие в 1970-е гг., намекали на то, что мог существовать и «современный» центр города, некий соперник и двойник. Если в 1930-х гг. таким неисторическим центром должен был стать Международный проспект (с 1949 г. – проспект имени Сталина, с 1956-го – Московский проспект), то в 1960–1970-х гг. самые шумевшие архитектурные проекты – «Правый берег», застройка Приморской части Васильевского острова – тоже переносили центр тяжести «Ленинграда» за пределы «Петербурга». Если же и упоминался старый город, то в первую очередь подчеркивалась важность его «редактуры»: снос некрасивых и обветшалых зданий был так же важен для сохранения «настоящего» прошлого, как охрана памятников сама по себе: «Зачастую на месте унылых доходных домов создавались сооружения, гораздо более значительные и выразительные. Но, когда речь шла о ценных архитектурных памятниках, делалось все, чтобы они предстали

такими, какими задумали их великие зодчие. Во многих случаях возрождались целые ансамбли, искаженные в годы капиталистической застройки города» [7, с. 335].

С начала 1960-х гг. стало заметно, что такой процесс частичного сохранения старого города устраивает далеко не всех ленинградцев. Уже в 1962 г. в газете «Смена» появилась подборка писем читателей, взволнованных запущенным состоянием отдельных памятников архитектуры. В начале статьи тактично подчеркивались достижения ленинградской ГИОП (800 уникальных памятников прошлого состояли в списках инспекции, на ремонт затрачивалось 11 миллионов рублей в год). Но вслед за этим были перечислены негативные явления: некоторые памятные сооружения, писали читатели, буквально разваливаются, например, портик у входа в Пулковскую обсерваторию, или бывший Юсуповский дворец (хотя размещенный во дворце институт получал 200 000 рублей в год на ремонт и реставрацию) [8].

Следует обратить внимание, что многие из питерцев, открыто участвовавших в борьбе за охрану памятников в 1960–1980-х гг., начали ее с писем в редакции ленинградских газет. Жители Ленинграда не интересовались остатками прошлого, которые не несли для всех очевидных культурных значений. В то же время они энергично защищали право на существование и достоинство тех «старых домов», которым такие значения можно было приписывать. В этом ракурсе поток писем, адресованных в газеты, городские инстанции и отдельным знаменитым людям можно определить, как способ заставить дома «писать» (то есть порождать такие значения), предавшись писанию о них. И когда жители города писали о ленинградских домах, они также отдавали дань «описанному» («writable») прошлому, которое было воплощено в этих зданиях – через их связи с «петербургским текстом» русской культуры XIX в. и начала XX в. В 1960-е и 1970-е гг. началось мощное движение за создание «writablepast» в самом прямом смысле – устройство «музеев-квартир» и установка мемориальных досок. Описание домов сопровождалось движением за открытие домов-музеев. Ленгорисполком из-за общего согласия, что к литературному прошлому нужно относиться особенно внимательно, с пониманием смотрел на создание домов- и квартир-музеев, хотя это сокращало жилой фонд города. Тем не менее «исторический центр» сохранял статус «оспариваемого пространства». Показательными с точки зрения «оспариваемости» являлись дискуссии об охране памятников, имеющих в первую очередь архитектурную ценность, так как вопрос о том, как выбрать эти памятники (что именно считать памятниками), а тем более, как с ними обходиться, вызывал немало принципиальных расхождений во мнениях.

Самый значительный конфликт между советской и традиционной питерской «политикой памяти» относится к концу 1960-х гг., когда В. Каменский, главный архитектор города, подверг жесткой критике проект гостиницы «Аврора» архитектора С.Б. Сперанского. На его заключительном обсуждении он неожиданно для присутствующих заявил, что не может «допустить на Неве, вблизи Петропавловской крепости и ее золотого шпиля с ангелом, возведение 25-этажного объема» [9, с. 422–423]. В конечном итоге строительство гостиницы было разрешено, хотя высота первой очереди строительства выходящего на набережную корпуса была уменьшена на 40 %. Этот пример был весьма показателен еще и потому, что в 1960-е гг. для подавляющего большинства ленинградских архитекторов было характерно совершенно иерархическое и внеисторическое отношение к рядовой застройке и дворцам. Если эстетически безупречные дворцы как шедевры архитектуры и зодчества они готовы были сохранять и защищать, то окружающую их рядовую застройку XIX – начала XX в. они полагали вполне пригодной к разрушению, чтобы на образовавшихся пустырях творить свой Ленинград, свои собственные «хрустальные дворцы».

Как видим, в послесталинские десятилетия развивалась довольно четкая поляризация между «современностью» и «старинной» «города на Неве», или, говоря иначе, «Ленинградом» и «Петербургом», причем довольно большая часть жителей предпочитала как раз вторую ипостась малой родины. Если властные структуры Ленинграда и многие, но уже далеко не все, архитекторы видели в «историческом центре» лишь один из элементов настоящего и будущего города, для некоторых жителей «исторический центр» становился первоосновой специфической ленинградской жизни – тем, без чего «великий город с областной судьбой» стал бы попросту «областным».

Ссылки:

1. Келли К. «Исправлять ли историю?»: споры об охране памятников в Ленинграде 1960–1970-х годов // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/kk7-pr.html> (дата обращения: 23.02.2011).
2. Лихачев Д.С. Четвертое измерение // Литературная газета. 1965. 10 июня.
3. Там же.
4. Иконников А.В. Старое и новое в городском ансамбле // Строительство и архитектура. 1965. № 9.

References (transliterated):

1. Kelli K. «Ispravlyat' li istoriyu?»: spory ob okhrane pamyatnikov v Leningrade 1960–1970-kh godov // Neprikosnovenniy zapas. 2009. No. 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/kk7-pr.html> (date of access: 23.02.2011).
2. Likhachev D.S. Chetvertoe izmerenie // Literaturnaya gazeta. 1965. July 10.
3. Ibid.
4. Ikonnikov A.V. Staroe i novoe v gorodskom ansamble // Stroitel'stvo i arkhitektura. 1965. No. 9.

5. Келли К. Указ. соч.
6. Кедринский А.А., Колотов М.Г., Ометов Б.Н., Раскин А.Г. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1983.
7. Шварц В. Ленинград: художественные памятники. Л.; М., 1958.
8. Келли К. Указ. соч.
9. Струзман В.Э. Сергей Сперанский (1914–1983) // Архитекторы об архитекторах: Ленинград–Петербург XX век / сост. Ю. Курбатов. СПб., 1999.

5. Kelli K. OP. cit.
6. Kedrinskiy A.A., Kolotov M.G., Ometov B.N., Raskin A.G. Vosstanovlenie pamyatnikov arkhitektury Leningrada. L., 1983.
7. Shvarts V. Leningrad: khudozhestvennye pamyatniki. L.; M., 1958.
8. Kelli K. Op. cit.
9. Struzman V.E. Sergey Speranskiy (1914–1983) // Arkhitektory ob arkhitekturakh: Leningrad–Peterburg XX vek / comp. by Y. Kurbatov. SPb., 1999.